

Ляман БАГИРОВА

...Со страшным ускорением уходил в небитие соученики, сослуживцы, друзья. Похороны одного совпадают с сороковым днем преддущего. Не хватает ни сил, ни слов, ни слез. Нечем заполнить вакуум единственной пта- тельной среды - дружбы.

Из книги Александра Ширвиндта "Shirwindt, стертый с лица земли. Книга воспоминаний"

9 июля 2019 года. Мы с дочерью и подругой в Питере, поглощенные единственной мечтой - взять штурмом Академию художеств и пополнить именем дочери ряды студентов этого достопамятного учебного заведения. Все иное: красоты города, переливающаяся то бирюзовым, то стальным блеском Нева, задумчивые красавицы-корабли воспринимаются нами по какому-то остаточному принципу. Вначале экзамены, а потом уже можно гулять со спокойной душой. И все же... Питер есть Питер. Он манит, зовет. Волны плещутся о набережную, невесомые бризы долетают до нас, спешащих, бегущих, стремящихся запечатлеть в своей памяти как можно больше. Мы летим по этому городу на кураже, еще во власти ожидания неизвестного, и верим, что Судьба будет к нам благосклонна. Баку остался далеко, родной жаркий город, в который мы должны вернуться только с победой, и, Боже мой, как бесконечно далеко от нас все то, что сейчас происходит в нем...

В ночь на 9 июля Вас не стало. Я узнаю об этом только 18 августа, уже по приезде, когда мне позвонит наша общая знакомая и, словно извиняясь, скажет:

- Простите, Ляман, я беспокою Вас по печальному поводу. Дело в том, что Людмила Николаевна Хохловой 9 июля не стало. Я звонила Вам, но звонки не доходили. Завтра 40 дней. Вы пойдете?

Конечно, я пошла. Что-то говорила, кому-то выражала соболезнования, сокрушалась о жестокости инсульта, вырвавшего из жизни молодую, яркую женщину, сидела заминальным столом, слушала проповедь батюшки, скорбно потупляла глаза и ловила себя на мысли, что все эти действия были уже не так важны. Я просто Вас вспоминала, и воспоминания сжимали мне сердце.

Маленького роста, полныячка, с большими голубыми глазами навываек и неизменной сигареты в руках - Вы внушали уважение и умели одновременно. Заместитель главного редактора газеты "Мир литературы", Вы скрупулезно, даже яростно вчитывались в любой

присланный материал, тщательно выверяя каждую фразу, и в то же время так трогательно по-женски причитали: "Боже мой, этот цвет волос совсем не идет мне! Срочно бегу перекрашиваться! Ой, торжество на носу, а у меня еще нет платья. Ой, ну, как это?! Кошмар! Сумочка у меня есть, а туфель под лсе нет!"

Ваш голос хрипловатый, чуть зады- хавшийся:

"Мой родной!" - Почему-то Вы обра- щались ко мне только так.

"Что у Вас есть для нас для следую- щего номера? Давайте, давайте!"

- Людмила Николаевна, я еще не на- чинала, вот думаю только подступиться к статье.

- Вздор! Пустое, мой родной! Чтобы через два дня была статья! Я Вас жду!

И потом, чуть понизив голос, как-то даже заговорщицки:

- Вы же знаете, я Вас не правлю. Сразу даю в печать.

"Я Вас жду" - в Ваших устах это бы- ло наивысшей формой признания.

А наши ночные телефонные разгово- ры... Это была целая поэма!

- Ляман, - раздается в трубке воркую- щий голос с характерными раскатисты- ми "р" - Вы не спите? Я буквально на минуточку.

дня обаяния и остроумия. Но хитрован, ой, какой хитрован! На вопросы отвечал вроде прямо, а вроде как с подковыроч- кой!

Иногда Вы устаете. Я могу лишь до- гадываться об этом по учащающимся паузам в разговоре. Вы закуриваете, за- думываетесь и вдруг вопрошаете:

- А, Вы, мой родной, не курите?

- Нет.

- И правильно делаете. Но, если ре- шите закурить, то рекомендую только ванильные. От женщины всегда должно приятно пахнуть.

По-моему, запах табака неприятен, особенно от женщины, как его не заби- вать, ванилью ли, ментолом. Но возвра- щать мне не хочется. Слишком уж инте- ресно следить за развитием Вашей мы- сли.

- А Вы любите собак? Ах, да-да, Вы же кошачница, я забыла. Но собаки - это особый мир. Вот у меня...

И дальше звучит новый блестящий монолог о самом преданном друге чело- века. И снова пауза.

- А знаете, мой родной, какое у меня любимое произведение? Ни за что не до- гадаетесь.

Вы выдерживаете уже театральную паузу и детски-горжественно провозгла- шаете:

- Ну, как же? - выдыхаете Вы, и ка- жется, что телефонная трубка доносит запах ванильных сигарет, - это же одно из потрясающих произведений о любви. Все его политизированные романы забы- лись, а эта маленькая расказ из четы- рех писем бесмертен, ставшая на всех сценах мира, да и наш Кара Караев на- писал по ней монооперу. Неужели не слышали?

Мне стыдно. Я поспешно заверяю, мол, конечно, слышала, просто забыва- ют. В мозгу же моментально вспыхи- вают красная лампочка: "Запомнить: "Нежность" Барбюса! Прочсть немед- ленно!"

- Ну, вот, - удовлетворенно пыхите Вы в трубку, - а говорите, не помните. И вдруг Вас осеняет:

- А напишите, мой родной, о Барбю- се! Давайте, давайте! Для следующего номера газеты. Тем более, он тоже ро- дился в мае, как и я. Нет, Вы представ- ляете, я родилась в один день с Булгако- вым - 15 мая, а Барбюс - 17 мая! Нет, Вы представляете, они тоже Тельцы, как и я!

- Но...

- Никаких "но". Все у Вас получится. Я Вас жду! Ну, все-все. Давайте, за- канчивайте, а то мы с Вами до утра по- говорим.

НЕЖНОСТЬ ДЛЯ

В трубке раздаются гудки. В окошко насмешливо подмигивает звезда: "Ну, что же. Поняла? Она жлет! Пинни!"

Эссе о Барбюсе я так и не написала. Как-то закрутили дела и меня, и Вас, видно, белки на- шей жизни вертели свои колеса исправно и молниеносно. В послед- ний год и общались редко, все бежали и бежали в беспере- рывной рутине дней. До Барбю- са ли с его неведомой "Неж- ностью"? Потом мы уехали, а Вас не стало.

Но "время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии" и я сейчас пишу для Вас статью о Барбюсе, и знаю, что Вы никогда ее не прочтете. И все же...

Итак Анри Барбюс (1874-1935), французский писатель. Родился 17 мая 1873 года в маленьком городке Аньере под Парижем, отец француз, мать ан- гличка. Учился в Сорбонне, публиковался в парижских газетах, но заметки его популярностью не пользовались. В 1895-м напечатал маленькую книгу сти- хов "Плакальщики" немалый успех, в 1908-м выпустил первый роман "Ада". С началом Первой мировой войны ушел на фронт рядовым-добровольцем, был дважды награжден, написал роман "Огонь" за который получил Гонкуров- скую премию в 1917 году и который стал одним из лучших романов о войне. Кон-

"Минуточка" растягивается до 3-4 часов ночи. Сон накатывает волнами, иногда голос Ваш доносится словно из тумана. Но прервать вдохновенный литера- турный монолог мне и в голову не приходит. И открывается второе дыхание, сон отступает, подвинулись магны Вашей речи.

Бог мой, чего и кого только нет в этих монологах! И отрешенность Блока, и музыкаль- ность пушкинской строки, и воцеление одиночество Цветаевой, и царственность Ахматовой, и величие Низами, и древнегреческие трагедии. Вы молниеносно перемещаетесь из одной исто- рической эпохи в другую, распахиваете двери своего вообра- жения перед литераторами прошлого,сылаете цитатами, стихотворными строчками. И поэты воскресают из небытия, предстают ярке и зримо перед моим внутренним взором. Наверно, они были бы бесконечно благодарны Вам за такие свои феерические литературные пор- треты.

"Единым росчерком пера" очертить образ... В данном случае лучше сказать: единым монологом на одном дыхании сделать литературу близкой, понятной и живой.

Порой роскошь литературных откры- тений сменяется рассказами об актерах, у которых Вы брали интервью.

- Вот Ульянов, - рочет в трубке

Ваш восторженный голос, - прелесть- человек был, царство небесное ему, - Без-

- "Нежность" Анри Барбюса.

При словосочетании "Анри Барбюс" память выдает мне нечто смутное. Фран- цузский писатель-коммунист, друг Со- ветского Союза, автор знаменитого ро- мана "Огонь" и биографий Сталина. Умер в Москве в 1935 году, похоронен в Париже, на его могиле установлен па- мятник из уральского камня и выгравиро- ванный слова Сталина о писателе. О "Нежности" я не слышала.

стантин Паустовский так писал об этом романе: "Одной из неожиданных для здешнего края примет недавней войны была книга Анри Барбюса "Огонь", попавшая каким-то чудом в Сухум.

Я читал эту крепкую, как солдатский шаг, мужественную и человечную повесть Барбюса у себя в саду, в тени банана. Изредка я подымал глаза. Мне нужно было какое-то время, чтобы сообразить, что я нахожусь не на полях Шампани или в Арденнах, где в залитых ливнем окопах тесно смешались обе армии - и французская, и немецкая - и солдаты тонут в грязи. Мне нужно было время, чтобы перенестись с полей Франции в этот нарядный от света и опьяняюще пахнущий край.

В такие минуты он казался мне особенно чуждым - лакированным и одновременно тоскливым."

За ним последовал роман на ту же тему "Ясность". Барбюс был одним из первых, кто начал описывать войну, ни в коем случае не поэтизируя ее, а беспощадно и сурово. Он стал лидером международного движения "Кларте", пропагандирующего пацифизм, социального равенства и

мне, - если ты еще не забыл меня, - простишь, что я покончила с собой на другой же день после нашей разлуки. Я не могла, я не умела жить без тебя.

Сегодня мы говорим очень тихо, почти неслышно, - уж очень мы далеки друг от друга, ведь я существую только в тебе, а ты уже забыл меня. Сегодня значение слова сейчас для той, которая его лишет и шепчет, совсем иное, чем для того, кто будет читать это.

Сейчас, преодолев такое громадное расстояние во времени, преодолев вечность - пусть это покажется нелепым, - сейчас я целую тебя, как прежде.

Вот и все... Больше я ничего не прибавлю, потому что боюсь стать печальной, а значит, злой и потому, что не решаюсь признаться тебе в тех сумасшедших мечтах, которые неизбежны, когда любишь и когда любовь огромна, а нежность беспредельна".

Да не обвинят меня в излишней экзальтированности, но у меня перехватило дыхание после чтения этих строк. Обжигающие нежностью,

ЛЮДМИЛЫ

интернациональную солидарность. Барбюс основал также и Всемирный комитет против войны и фашизма.

Поборник мирового коммунизма, он после поездки в СССР написал книгу "Россия", мечтал написать полную биографию Ленина, но не успел. Зато написал книгу о Сталине, пользовавшуюся в СССР невероятным успехом. В ней он восторженно провозгласил "Сталин - это Ленин сегодня". Приезжал в Москву 4 раза, всегда был почетным гостем. В последний раз Барбюс приехал в Москву в 1935 году и умер там же 30 августа 1935 года.

А в памяти читателей и в истории литературы он остался вовсе не этими грохочущими военными романами и пафосными речами на антивоенных конгрессах, а крохотным рассказом "Нежность", потрясающе пронзительным и шемящим. По силе воздействия его можно сравнить, пожалуй, только с "Письмом незнакомки" Цвейга. В рассказе нет ни слова о политике, однако именно он принес Барбюсу огромную славу и успех. Сюжет его незамысловат. Герой рассказа получает в течение двадцати лет пять писем от своей любимой, жениться на которой ему не разрешили родители.

"Вот уже двадцать лет, как мы расстались... И вот уже двадцать лет, как меня нет в живых, дорогой мой. Если ты жив и прочтешь это письмо, которое перешлют тебе верные и почтительные руки, - те, что в течение многих лет пересылали тебе мои предыдущие письма, ты простишь

а в сущности очень простые слова обладали невероятной силой. Наверно, только так и можно говорить, когда обращаешься от сердца к сердцу.

Как пела великая соотечественница Барбюса Эдит Пиаф: "Слова, обычные слова/ Их все друг другу повторяют/ От них кружится голова/ Дыханье замирает".

Слова любви всегда одинаковы, сила лишь в устах, произносящих их.

Неудивительно, что именно этот малюсенький рассказ пережил все идеологические романы своего автора. Война войной, прогресс прогрессом, а человек за тысячи веков своего существования изменился мало - так же любит и негодует, ненавидит и радуется, страдает и верит в лучшее. В счастье, в нежность, в чудо. Верит и надеется, несмотря ни на что. Потому что если не верить, так вроде бы и жить можно, но уж больно скучно. А от скуки до жестокости всего один шаг. И лучше этого шага не делать.

Не знаю, смогла ли я написать эссе об Анри Барбюсе. Скорее всего, нет. Творчество пышноусого, с суровыми и острыми чертами лица французского писателя-коммуниста слишком далеко от меня. Кроме, пожалуй, "Нежности" - маленькой бессмертной песни во славу неумирающей любви.

Но я написала его как смогла, это ни на что не похожее эссе-воспоминание. И пусть Вашей душе, "моей родной", будет светло и нежно.